

УДК 140.8+141.72

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.107

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ VS МАРКСИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ: ПАРАДОКСЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

С.Н. Климов, Чжао Цзююэ

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва

Постулируется тезис о том, что современные теории гендерного равенства находятся под давлением дилеммы либерального и марксистского феминизма: если первый сводит власть к функциям расширения прав и возможностей, то второй подчеркивает доминирующую эксплуатацию воспроизводимого труда со стороны капитала. В целях выхода за рамки дихотомии и переформулирования механизмов гендерного угнетения в цифровую эпоху предлагается концепция «институциональной эластичности» анализа власти в условиях становления цифрового социума.

Ключевые слова: *либеральный феминизм, марксистский феминизм, цифровой капитализм, гендерное угнетение, межсекторальная дискриминация, телесная автономия, институциональная эластичность.*

*Равенство – это душа свободы;
в действительности без этого нет свободы.
Фрэнсис Райт*

Комплексный характер гендерного равенства как одной из важнейших проблем современной социальной теории подчеркивает многомерный характер анализа властных отношений. По данным доклада Всемирного банка, сделанного в 2024 г., «ни одна страна, даже в группе самых богатых, не гарантирует женщинам равные возможности... Устранение этого разрыва может привести к увеличению мирового валового внутреннего продукта более чем на 20 %. Фактически, это бы удвоило показатели роста мировой экономики в ближайшие десять лет»¹.

Сосуществование институциональных обязательств равенства и воспроизводства структурного угнетения обнажает фундаментальный разрыв между либеральным и марксистским феминизмом в вопросе о природе власти: первый сводит ее к перераспределяемому ресурсу, а второй рассматривает как необходимую производную капиталистических отношений производства. Этот теоретический разрыв представляет собой внутреннее противоречие в дискурсе гендерного равенства.

© Климов С.Н., Чжао Цзююэ, 2025

---

¹ Группа Всемирного банка. Женщины, бизнес и закон. 2024. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 02.05.2025).

Расхождение между либеральными и марксистскими феминистскими интерпретациями природы власти представляет собой центральный конфликт в теории гендерного равенства.

Дилемма современной гендерной теории коренится в бинарно-оппозиционной интерпретации природы власти в рамках либеральной и марксистской парадигм.

Если обратиться к *философским основам либерального феминизма*, то генезис данного феномена восходит к рационалистическим и индивидуалистическим традициям эпохи Просвещения, утверждающей, что свобода и права личности – это универсальные ценности, а гендерное неравенство является не следствием естественных различий, а результатом подавления и исключения социальной организацией прав женщин, которые должны получить равные с мужчинами возможности во всех сферах общественной жизни через совершенствование правовой системы. В рамках этой концепции институциональная дискриминация рассматривается как ключевое противоречие, препятствующее гендерному равенству, поэтому структурные барьеры должны быть устранены законодательным путем.

В китайской практике идея либерального феминизма воплощается в противостоянии системному гендерному угнетению через апелляцию к справедливости. В монографии Ли Иньхэ «Восхождение женской власти» приводится факт, когда сотрудница банка, которую заставили подписать трудовой договор, ограничивающий материнство, подала в суд, а тот признал договор недействительным, поскольку он нарушает положения трудового законодательства [8].

В то же время академические дебаты вокруг легализации суррогатного материнства привели к более глубокому изучению права женщин на телесное самоопределение и автономию².

В этой связи существуют две противоположные точки зрения на легализацию суррогатного материнства. Первая точка зрения, согласно которой суррогатное материнство полностью законно, вписывает право на телесную автономию в рамки либеральных прав, считая, что контроль женщин над собственным телом – это важный путь к разрушению традиционных гендерных оков. Китайский ученый Чжан Янлин в статье «Репродуктивная свобода и границы ее защиты: к вопросу о теоретических основах искусственного репродуктивного» подчеркивает: репродуктивная свобода является неотчуждаемой, данной от природы: как и для кого рожать – это выбор конкретной женщины, и закон не имеет права принудительно запрещать это [7]. Возникающие при суррогатном материнстве проблемы

---

² Телесная автономия — основа достижения гендерного равенства и всеобщего доступа к услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья и реализации прав. Технический доклад ЮНФПА. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Tech%20Brief%20BODILY%20AUTONOMY%20Russian%20May4.pdf> (дата обращения 29.04.2025).

(например, путаница с отцовством) являются предметом правового регулирования и определения. Отрицание же легитимности суррогатного материнства само по себе ненаучно, а его законодательное признание представляется воплощением самодостаточности и достоинства личности.

Приверженцы точки зрения незаконности суррогатного материнства исходят из этических отношений, общественного порядка и способа реализации прав, защиты женщин и детей. Китайский социолог У Цайюй [6] считает, что в настоящее время как с процессуальной, так и с правоприменительной позиции, а также этики Китая юридическая форма запрета суррогатного материнства является обоснованной.

Российская практика демонстрирует амбивалентность либерального феминизма в современной социальной реальности. Несмотря на то, что в Конституции РФ прямо провозглашен принцип равенства полов, реализация конкретных законов часто сдерживается традиционными гендерными представлениями. Например, законодательство о домашнем насилии имеет неоднозначную интерпретацию, а принятый в 2017 г. законопроект о декриминализации, классифицирующий некоторые виды домашнего насилия как административное правонарушение, а не уголовное преступление, был воспринят критиками как юридический шаг назад в отношении права женщины на личную безопасность. Либеральные феминистки отмечают, что такая политика снижает эффективность закона в отношении защиты индивидуальных прав женщин, обнаруживая разрыв между формальными декларациями о равенстве и реальными гарантиями этих прав. Кроме того, российские неправительственные организации (НПО) добивались принятия закона против гендерной дискриминации на рабочем месте, пытаясь законодательно устранить скрытые барьеры на рынке труда, однако эти усилия не принесли должного эффекта из-за отсутствия политической поддержки и общественного консенсуса [1]. Данные случаи показывают, что либеральный феминизм пытается опираться на правовой инструментализм, который не способен противостоять взятым в совокупности глубинным культурным нормам и властным структурам, и эффект от его реформ всегда будет ограничен противоречиями между действиями различных государственных институтов и социальной реальностью.

Апеллируя к *марксистскому феминизму*, стоит подчеркнуть, что он основан на историческом материализме, рассматривающем гендерное угнетение в рамках капиталистических отношений производства. Его основная критика указывает на дихотомию между семьей и общественной сферой в условиях частной собственности: женщины вынуждены заниматься неоплачиваемым домашним трудом, становясь «невидимыми работниками», поддерживающими воспроизводство труда, стоимость которого систематически обесценивается, поскольку он не включен в систему рыночного обмена. Марксистский подход постулирует, что гендерная эмансипация не может быть достигнута только за счет правовых или моральных улучшений, а материальные условия гендерной эксплуатации должны быть ликвидированы

путем коренной реконструкции экономической базы и социализации репродуктивного труда.

В период ранней коллективизации в Советском Союзе женщины, массово задействованные в сельскохозяйственном производстве, столкнулись со структурным неравенством в распределении стоимости рабочей силы, а система оплаты труда по принципу «мужчина – первый» выявила глубокие противоречия в процессе производства [2]. Эта кажущаяся эмансипация труда не смогла поколебать гендерную систему оценок, в которой вклад женщин в общественную сферу по-прежнему рассматривается не как самостоятельное создание экономической ценности, а как дополнение к производству, где доминируют мужчины.

Сложность данной теории подтверждается и исторической практикой Китая: включение женщин в производственную систему оборонной промышленности в определенный период времени придало им социальную ценность через «революционное разделение труда», которое якобы растворило границы традиционного гендерного неравенства. Однако после выхода на пенсию эти женщины сталкиваются с отсутствием выполнения своих обязательств со стороны государства, что подчеркивает неспособность структурных изменений в экономике одновременно устранить гендерное слепое пятно в системе социального обеспечения. Недостаток средств на медицинское обслуживание и пенсии в старости является следствием недостаточной социализации репродуктивного труда. Эти факты свидетельствуют о том, что гендерное угнетение не может быть полностью устранено только за счет изменения производственных отношений, а экономическая эмансипация должна сочетаться с перераспределением общественных ресурсов и трансформацией культурных установок. Урок марксистского феминизма заключается в том, что если сосредоточиться только на формальном равенстве в сфере производства, игнорируя социализацию репродуктивного труда и критическую реконструкцию гендерной культуры, то в конечном итоге эмансипация женщин попадет в парадокс сосуществования экономического расширения их прав и возможностей с материальной депривацией, под которой понимается «невозможность следовать национальному стилю жизни, общепринятым социальным практикам, выстраивать собственную жизнь в соответствии с определенными образцами потребления ввиду нехватки или сокращения ресурсов» [4, с. 46].

Переходя к *интерпретации властных отношений*, следует подчеркнуть, что расхождения в трактовке природы власти между либеральным и марксистским феминизмом представляют собой фундаментальную оппозицию в теории гендерного равенства. Либеральный феминизм рассматривает власть как продукт институционального исключения³, делая акцент на

---

³ Институциональное исключение означает направленность институтов на закрепление и удержание общественных норм, затрудняющих или исключающих деятельность любых субъектов, стремящихся нарушить социальные устои.

недопущении структурной дискриминации посредством правовых средств для достижения равенства прав.

Практика в сфере занятости в Китае подтверждает логику этой теории: несмотря на то, что в законе четко прописано право женщин на равенство в сфере занятости, феномен гендерной дискриминации все еще существует, проявляя себя не только в виде гендерных ограничений при приеме на работу, но и в отношении условий труда и возможностей продвижения по службе. В ряде судебных разбирательств китайские суды постановили, что работа поваром, курьером, сверхурочная работа или командировки с мужчиной-руководителем не считаются профессиональными видами деятельности, не подходящими для женщин⁴. Поэтому работодатели были признаны виновными в дискриминационном обращении. Эти и другие примеры подчеркивают разрыв между текстом закона и практикой его применения, обнажая противоречивую природу власти.

В свою очередь, марксистский феминизм деконструирует гендерное угнетение в аспекте экономической власти, утверждая, что обобществление средств производства является необходимым условием для ликвидации властного неравенства. Однако китайские ученые Р.К. Дуань, И.-Ци Ву в статье «Различия, предрассудки или несправедливость: исследование влияния корпоративного цифрового интеллекта на назначение женщин-руководителей» утверждают: практика советской эпохи свидетельствует о том, что, несмотря на значительную долю женщин-инженеров, полномочия по принятию технических решений всегда были сосредоточены в руках мужчин-менеджеров [5]. Существующее разделение между «участием» и «господством» подтверждает мысль: общественная собственность на средства производства автоматически не устраняет гендерный характер властных структур, а механизмы воспроизводства гендерного угнетения оказываются глубоко встроенными в микровластные отношения разделения труда.

Не менее интересными являются *направления реализации теоретических положений указанных гендерных стратегий на практике*. В частности, либеральный феминизм сосредоточен на методах институционального совершенствования: от норвежских гендерных квот в советах директоров до тренингов разнообразия в глобальных корпорациях, суть которых заключается в оптимизации существующих структур власти путем корректировки политики. Результаты, несомненно, есть. Согласно исследованию «Women in Business», проведенному компанией Grant Thornton, «число женщин, занимающих высшие руководящие должности в компаниях крупного и

---

⁴ См.: Deng v. Beijing XX Express Logistics Co., Ltd. (General Personality Rights Dispute), Civil Judgment (2016) Jing 03 Min Zhong No. 195, Beijing Third Intermediate People's Court; Guo v. Hangzhou XX Culinary Vocational Skills Training School (Personality Rights Dispute), Civil Judgment (2015) Zhe Hang Min Zhong No. 101, Hangzhou Intermediate People's Court of Zhejiang Province; Cao Wanli. Research on the Legal Remedies for Female Employment Discrimination in China [D]. People's Public Security University of China, 2024.

среднего бизнеса во всем мире, достигло 31 %. Для сравнения, 15 лет назад женщин-руководителей было не более 19 %»⁵. В то же время, по данным структуры «ООН-женщины», «каждая десятая женщина в мире живет в условиях крайней нищеты»⁶.

Практика марксистского феминизма также страдает от ловушки экономической инструментализации. В России программа подготовки технических кадров из числа представителей прекрасного пола в энергетическом секторе направлена на расширение экономических прав и возможностей путем увеличения доли женщин в таких высокодоходных отраслях, как нефтяная и атомная энергетика⁷. Но все дело в том, что на этих должностях женщины по-прежнему занимают вспомогательные позиции (занимаясь анализом данных, логистикой и т. д.), в то время как основные процессы принятия решений и высокооплачиваемые должности с высоким риском по-прежнему монополизированы мужчинами. Такой ограниченный доступ к должностным статусным позициям свидетельствует о поверхностном характере реформ в экономике: без реальной борьбы с гендерной иерархией в разделении труда гендерное равенство в производстве будет сведено лишь к безрезультатной декларации.

Современная ситуация свидетельствует о парадоксе двух путей развития феминизма.

С одной стороны, стремление либерального феминизма к формальному равенству зачастую нивелирует сложность межсекторальной дискриминации⁸. Например, китайские женщины старше 30 лет порой сталкиваются с дилеммой двойной дискриминации по принципу «возраст-гендер»: компании систематически маргинализируют эту группу на основании обремененности их семейными обязанностями, тогда как существующие законы сосредоточены только на одном аспекте дискриминации – гендерном, не позволяя выявить и, соответственно, регулировать межсекторальную дискриминацию. Незыблемость таких институциональных конструкций выявляет неизбежный изъян либеральной концепции: когда притеснение существует в форме множества пересекающихся идентичностей, юридическое обещание равенства прав становится занавесом, скрывающим истинные властные отношения. Более глубокий парадокс заключается в том, что либерализм рассматривает закон как нейтральный инструмент, игнорируя тот

---

⁵ В мире растет количество женщин-руководителей, в России наоборот. URL: <https://www.e-disclosure.ru/> (дата обращения: 02.05.2025).

⁶ Каждая десятая женщина в мире живет в условиях крайней нищеты. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/stories/press-reliz/2024/03/kazhdaya-desyataya-zhenschina-v-mire-zhivet-v-usloviyakh-krayney-nischety> (дата обращения: 04.05.2025).

⁷ Официальный сайт Делового клуба «Женщины будущей России». URL: <http://womenofrussia.org/business.aspx?Id=93> (дата обращения: 21.03.2025).

⁸ Межсекторальная дискриминация означает, что неравенство по одному признаку является условием или предпосылкой ущемления по другому признаку. Например, дискриминация по признаку гражданства неразрывно связана с этнической дискриминацией.

факт, что право интерпретировать ту или иную правовую норму, как правило, находится в руках реальных субъектов доминирующих властных структур.

С другой стороны, чрезмерная зависимость марксистского феминизма от классового анализа не позволяет ему расширительно взглянуть на многочисленные формы угнетения в эпоху цифрового капитализма, затрудняя раскрытие множественных форм эксплуатации, образующихся в результате тесного переплетения технологий, капитала и гендера.

Пример трудовых практик ряда интернет-знаменитостей на платформах социальных сетей (таких как видеоблогеры «有金记录真实生活» (Youjin Recording Real Life) и «阿丽~» (Ali)) [9] раскрывают новую структуру угнетения. В то время как эти нетизены⁹ формируют стоимость рекламы посредством эмоционального труда¹⁰ (через вовлечение фанатов) и труда, связанного с данными (через производство контента и взаимодействие с аудиторией), цифровые платформы извлекают прибавочную стоимость путем соглашения о разделе доходов. В свою очередь, рекламодатели превращают эмоциональное влияние «интернет-звезд» в товарные символы. Получается, что их труд распадается на цифровые товары: цифровые платформы рассматривают количество подписчиков, показатели вовлеченности и другие данные как продаваемые ресурсы, а сами создатели, отчужденные от продуктов своей деятельности, превращаются в «цифровые тела», сведенные к количественно измеряемым данным в сети Интернет.

Традиционная марксистская теория, сводящая эксплуатацию в сфере производства к дихотомии «труд – управление», не может объяснить отчуждающую природу этого «цифрового тела»: женщины не только эксплуатируются как рабочая сила, но также перекодируются в товарные данные их гендерные атрибуты (например, внешность, эмоциональное выражение) [3]. Когда цифровые платформы включают женщин в гиг-экономику под видом «самозанятости», марксистский классовый анализ не в состоянии раскрыть, каким образом технологические монополии усиливают контроль над трудом (например, путем алгоритмической дисциплины, незаметно регулирующей производство контента). При этом марксистский подход не может адекватно оценивать гендерную логику эксплуатации, когда общественные ожидания в отношении эмоционального труда женщин перепрофилируются в оправдание извлечения капиталом прибыли. Эта дилемма выявляет еще и анахроничный характер теории: поскольку цифровой капитал и доминирующий патриархат сговорились скорректировать формы эксплуатации,

---

⁹ Нетизены – пользователи сети Интернет.

¹⁰ Эмоциональный труд – это процесс коррекции и подавления своих эмоций, чтобы оправдать ожидания других или достичь профессиональных целей. См.: Эмоциональный труд: что это и почему он ложится на плечи женщин URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/63a5b5d69a7947679405adf5?from=copy> (дата обращения 06.05.2025).

одной критики экономических структур уже недостаточно для деконструкции пересекающихся сетей власти «технология–гендер–капитал».

Потенциал реализации возможностей обеих форм феминизма видится в их диалектическом синтезе, а именно в сочетании институциональных ограничений и экономических стимулов. Опыт некоторых регионов Китая показал, что законодательное принуждение предприятий к раскрытию информации о гендерных коэффициентах найма вместе с предоставлением финансовой компенсации предприятиям, на которых работает определенный процент женщин, может способствовать эффективной взаимосвязи между защитой их прав и структурными реформами. Признавая равный правовой статус всех индивидов и перераспределяя ресурсы для устранения структурного исключения женщин из рынка, данная политика способствует консолидации двух теоретических парадигм феминизма. Инновация заключается в переводе либеральной «процедурной справедливости» в количественно измеримые институциональные ограничения и использование марксистских «материальных стимулов» для изменения расчета затрат и выгод рыночного поведения. Например, требование к предприятиям регулярно раскрывать данные о гендерном разрыве в оплате труда, с одной стороны, повышает институциональную прозрачность, а с другой – создает фактическую основу для коллективных переговоров женщин, при этом экономические рычаги (такие как налоговые льготы) заставляют капитал пересмотреть скрытые издержки дискриминационной политики. Эта двухвекторная стратегия «система–экономика», по сути, разрушает сговор между рыночной рациональностью и гендерными предубеждениями посредством переоценки властных отношений.

Корректировка направлений эмансипации женщин требует нахождения баланса между властью государства и автономией общества. Государство должно создавать общественные платформы, где под предоставленные правительством ресурсы женщины будут иметь возможность сами принимать решения. Такие организации могут избежать жесткого контроля, возникающего в результате полной зависимости от государства, и в то же время предотвратить разбалансированность власти на низовом уровне. Если предоставить женщинам возможность принимать активное участие в сфере общественных услуг, культуры и образования, то противоречие между лидерством государства и расширенным участием множества субъектов в этих сферах можно превратить в творческий импульс для достижения гендерного равенства. В частности, он может принять форму женских организаций советской эпохи (Комитет советских женщин), дополнив их современными механизмами демократии участия. Например, создать комитеты по пересмотру на федеральном уровне бюджета в гендерном ключе и обязать местные органы власти определенный процент бюджетных расходов заложить на проекты, возглавляемые женщинами. Такая конструкция позволит сохранить марксистский подход к эффективности коллективных действий, одновременно предусмотрев либеральное стремление к расширению

индивидуальных возможностей. В результате государство больше не будет монополистом в реализации эмансипационных проектов, трансформируясь в координатора ресурсов и гаранта прав. В свою очередь, женщины из объектов политики превратятся в активных создателей в рамках различных социальных институтов.

Таким образом, либеральный и марксистский феминизм, как два краеугольных камня теории гендерного равенства, предлагают идеологические пути для расширения прав и возможностей женщин: если первый направлен против дискриминации закона и культуры с помощью институциональных улучшений, то второй противостоит неявному угнетению, переплетенному с капитализмом и патриархатом, посредством экономической реструктуризации. Обе теории в исторической ретроспективе продемонстрировали мощную преобразующую силу.

Однако сложность и неопределенность современной социальной реальности выявили противоречия между ними: либерализм впал в «институциональную слепоту» из-за чрезмерной зависимости от формального равенства, а марксизм из-за своего фокусирования на классовом анализе столкнулся с парадоксом между стремлением следовать устоявшейся теории и ее эффективностью на практике. Ключ к разрешению этого парадокса лежит в преодолении теоретической дихотомии «или–или» и построении динамичного балансирующего механизма во взаимодействии индивидуальной автономии и социальной структуры.

Полагаем, что настоящий прорыв в гендерном равенстве может быть осуществлен через концепцию «институциональной эластичности». Во-первых, следует позволить закону противостоять устранению культурной инерции, оставляя при этом возможность корректировки в соответствии с возникающими социальными потребностями. Во-вторых, стоит позволить государству взять на себя роль «ночного сторожа» для перераспределения, не подавляя инновационную жизнеспособность социальной самоорганизации. Этот диалектический синтез не является теоретическим компромиссом, а исходит из глубокого понимания природы властных отношений: гендерное угнетение обусловлено действием не одного, а совокупности факторов, а путь к освобождению неизбежно является закономерным результатом теоретического консенсуса и практической мудрости. Только органично сочетая жесткость прав либерализма, структурную рациональность марксизма и культурные особенности конкретного общества, можно найти справедливый и реально осуществимый путь к гендерному равенству в сложной структуре власти. Это не только неизбежная логика теоретического развития, но и практическое направление решения гендерной дилеммы в современном социуме.

Список литературы

1. Липатова Л.Н. Статистическая оценка гендерного равенства в сфере экономики в Российской Федерации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 129–141.
2. Муравьев А.А. Советы директоров российских публичных компаний в 1998–2014: структура, динамика и эффекты на результативность // Экономические системы. 2017. Вып. 41. С. 5–25.
3. Чинция Арруцца, Тити Бхаттачарья, Нэнси Фрэйзер. Феминизм для 99 %: Манифест. М.: Радикальная теория и практика, 2020. 83 с.
4. Ярошенко С.С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–50.
5. 段瑞焜, 吴以琪. 差异, 偏见还是不公: 企业数智化对女性领导任用的影响研究[J]. 外国经济与管理, 2024, 46(10):39-54.
URL: https://qks.sufe.edu.cn/mv_html/j00002/202410/z8snIJyj-hwW7-7Hun-S8lh-iCnCLL34o0Dr_WEB.htm (дата обращения: 02.05.2025).
6. 吴才毓. 代孕行为非法化的复合思路——以代孕行为探讨进程中的三步程序为中心[J]. 中华女子学院学报, 2013. № 25(03). P. 29–35.
7. 张燕玲. 生育自由及其保障范围——兼论人工生殖的理论基础[J]. 中南民族大学学报(人文社会科学版). 2007. № 05. P. 114-117.
8. 女性权力的崛起 - 中国社会科学出版社, 1997. 341 p.
9. Tan Siyu, Tian Hongming. Self-Presentation of Rural Female Internet Celebrities in Short Videos: A Dramaturgical Theory Perspective [J] // Southeast Communication. 2024. № 10. P. 128–131.

LIBERAL VS MARXIST FEMINISM: PARADOXES OF GENDER EQUALITY

S.N. Klimov, Zhao Jiyue

Russian University of Transport, Moscow

The article postulates the thesis that contemporary theories of gender equality are under pressure from the dilemma of liberal and Marxist feminism: if the first reduces power to the functions of empowerment, the latter emphasizes the dominant exploitation of reproduced labor by capital. In order to go beyond the dichotomy and reformulate the mechanisms of gender oppression in the digital age, the concept of «institutional elasticity» of power analysis in the context of the formation of a digital society is proposed.

Keywords: *liberal feminism, marxist feminism, digital capitalism, gender oppression, intersectional discrimination, bodily autonomy, institutional elasticity.*

Об авторах:

КЛИМОВ Сергей Николаевич – д-р филос. н., профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история» ФГАОУ ВО «Российский университет

транспорта», г. Москва. E-mail: klisn@mail.ru Тел.: +79150131713 SPIN-код: 1436-9086, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6506-3983>

ЧЖАО ЦЗИЮЭ – аспирант кафедры «Философия, социология и история» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», г. Москва. E-mail: 617324758@qq.com

Authors information:

KLIMOV Sergey Nikolaevich – PhD, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport, Moscows. E-mail: klisn@mail.ru

ZHAO JIYUE – PhD student of the Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport, Moscows. E-mail: 617324758@qq.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 12.04.2025.